

Вопросы теории

ПРАВО НА ВОЙНУ*

ИСТОРИЯ СУДЕБНОГО ДЕЛА**

1а. Представленный на рассмотрение вопрос. Запрещается ли в соответствии с международным публичным правом всем государствам обладать военным потенциалом (материалами, необходимыми для ведения войны)? Данный состав Временного регионального всемирного суда, таким образом, должен определить, что представляет собой международное право, в отличие от того, чем оно должно быть.

1б. Первоначальное исковое заявление. Мартин Кноттенбельт, подданный Нидерландов, обратился в суд для решения данного вопроса, назревшего за последние несколько десятилетий. Действуя в качестве своего собственного представителя, Кноттенбельт направил в мае 1986 года несколько документов во Временный региональный всемирный суд. Заместитель секретаря суда зарегистрировал их в качестве первоначального искового заявления, а дело – под номером 86-0001.

2а. Первоначальные и дополнительные иски заявления характеризуют предмет данного дела следующим образом: "Право на войну: силлогизм А9-А9с". Термин истца "А9" относится к статье 9 Конституции Японии 1946 года, в которой японский народ в одностороннем порядке отказался от войны, а именно:

"Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы

---

* Публикуемый материал не является статьей в буквальном смысле этого слова. Однако Редколлегия сочла целесообразным поместить его под рубрикой "Вопросы теории", поскольку он содержит правовую аргументацию по одному из острейших практических и теоретических аспектов международных отношений. (Пер. с англ. Ю.В. Гусыниной.)

** Рассматривалось американским отделением Временного регионального всемирного суда (Лос-Анджелес, Калифорния, США).

или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государствами войны не признается”.

... .

2с. Япония была единогласно принята в Организацию Объединенных Наций резолюцией 121 Совета Безопасности от 12 декабря 1956 г. без ссылки на какие-либо условия принятия, основанные на отказе от военного потенциала. В 1990 году возник ряд юридических вопросов, связанных с участием Японии в операциях ООН по поддержанию мира в Персидском заливе (они касались внутреннего законодательства Японии, а не международного права). В 1990 году Япония разрешила очевидное противоречие между обязательствами по ее собственной Конституции и по Уставу ООН, приняв **невоенное** участие в коалиции ООН.

3. В первоначальном исковом заявлении истец выразил просьбу о передаче данного дела на рассмотрение суда в составе трех судей Временного регионального всемирного суда ”с проведением устного разбирательства”. Судьи Лопатка, Колосов и Сломансон вынесли определение, что проведение устного разбирательства необязательно. Данное мнение опубликовано на английском языке – языке страны проведения данного суда и языке, которым владеют все его члены.

4. Сотрудниками Временного регионального всемирного суда истцу Кноттенбельту было рекомендовано воспользоваться услугами адвоката. Кноттенбельт, однако, заявил, что его усилия были безуспешны. Не нашлось никого, кто мог бы (или хотел бы) представлять его в этом важном деле. Национальные правовые системы и международные судебные инстанции обычно не предоставляют правовой помощи в подобной ситуации. Члены данного суда, однако, собрали факты, выявили юридические вопросы, а также провели исследование соответствующих авторитетных источников, с тем чтобы разрешить этот деликатный, но ”неподсудный” вопрос, представленный им на рассмотрение. Члены данного суда, таким образом, приняли к сведению большое число хорошо известных фактов помимо представленных в документах данного дела. Такие действия соответствуют обычной практике, по существу, всех международных судебных учреждений.

5а. Прежде всего возникает вопрос о применимом праве. И хотя применимым материальным правом в данном деле является международное право, решение вопроса процедуры зависит от природы

состязательных бумаг. Параграф II Билля Мирового (международного) Суда (см. ниже, п. 15 о юрисдикции данного суда) предусматривает, что "Временный региональный всемирный суд будет действовать в соответствии со Всемирной конституцией, принятой в июне 1977 года, и будет руководствоваться правилами, действующими на данный момент в высших судебных инстанциях страны своего местопребывания".

5b. Это процедурное положение ставит ряд проблем, связанных с толкованием. В отличие от состава первого Всемирного Суда, в деле **Народы Земли против Китая** (1988 г.) второй состав включает судей из трех разных государств. Данный суд пришел к заключению, что Соединенные Штаты являются страной его местопребывания, поскольку истец Кноттенбельт обратился в американское отделение системы Временного регионального всемирного суда. Далее, данное дело не имеет существенной тесной связи с какой-либо страной (включая Нидерланды – страну проживания истца) для решения процедурного вопроса о выборе правовой системы.

6a. Существует второй вопрос толкования вышеуказанного Билля Всемирного Суда, регулирующего правовые вопросы, связанные с применением права "страны местопребывания". Правило 9 Регламента Верховного Суда США применимо к "первоначальным" искам такого рода. Это дело находится на рассмотрении суда первой инстанции, а не передано данному составу суда для апелляционного рассмотрения. В соответствии с правилом 9 форма состязательных документов и прений сторон регулируется Федеральными правилами гражданского процесса – правилами процедуры федеральных судов Соединенных Штатов. Документы данного дела не соответствуют правилу 9 по ряду причин, не относящихся к вопросу существа.

6b. Учитывая предназначение Федеральных правил гражданского процесса, данный суд, однако, решил, что в целях достижения правосудия необходимо широкое толкование судебных документов, а суд может рассматривать вопрос по существу. Требование добавлений или исправлений документов, что необходимо по превалирующему праву страны местопребывания, лишь отсрочило бы слушание дела на той стадии, когда не представленный адвокатом истец уже достаточно ясно выразил суть вопроса, который должен быть рассмотрен данным судом.

7. Такое широкое толкование общих правил для формы судебных документов и прений сторон встречается также в прецедентном праве Международного Суда ООН. В 1986 году по делу, связанному с военной и полувоенной деятельностью в Никарагуа и направленной против нее (**Никарагуа против США**, I.C.J. General List, No.70, решение от 27.06.86 г.), суд постановил следующее: "Стороны и иные субъек-

ты часто представляют... Суду письма и документы в той форме и тем путем, которые не предусмотрены процессуальными правилами. Суд, таким образом, должен соблюсти баланс. С одной стороны, для Суда важно знать точку зрения каждой из сторон, в какой бы форме она ни выражалась... Особой обязанностью Суда является установление всех фактов, которые возможно установить... Положения Статута и Регламента Суда, относящиеся к предоставлению документов и доказательств, имеют целью обеспечение надлежащего отправления правосудия, а также справедливых и равных возможностей для каждой стороны комментировать аргументацию оппонента. Отношение Суда к сообщениям и материалам сторон не должно зависеть от жестких требований, выраженных в форме конкретного общего правила”.

8. **Первое дополненное исковое заявление.** После первоначального искового заявления Кноттенбельт направил суду множество документов и писем. Основным из них является первое дополненное исковое заявление, датированное июлем 1986 года.

9. Оно отличается от первоначального тем, что истец Кноттенбельт использует так называемый силлогизм А9 в качестве доказательства преступного характера послевоенной гонки вооружений. Его основной аргумент заключается в том, что отказ от войны, зафиксированный Японией в своей Конституции 1946 года, был ”универсализирован” Токийским процессом по делу японских военных преступников.

10а. Семь приложений к первому дополненному исковому заявлению и личный меморандум истца были опубликованы в 1985 и 1986 годах. Ядром этих документов является утверждение Кноттенбельта, что необходимо признать концепцию ”зарождающегося всемирного права”. Он считает эту концепцию залогом выживания планеты. Предпосылкой того и другого, в свою очередь, является глобальное признание так называемого силлогизма А9. Он является вариантом известной концепции международного обычного права.

10b Данный суд перефразировал силлогизм истца Кноттенбельта следующим образом: 1) Япония явно выраженным образом отказалась от своего национального суверенитета в пользу неоспоримо более важных идеалов нарождающегося всемирного права путем отказа от войны в своей конституции; 2) этот односторонний акт был ”универсализирован” последующим решением Токийского трибунала; и тем самым, по утверждению истца: 3) все государства мира должны равным образом отказаться от наступательных и оборонительных войн – в соответствии с нарождающимся всемирным правом и моральным долгом спасти нашу планету от уничтожения.

11. **Второе дополненное исковое заявление.** Истец Кноттенбельт,

действуя сам в качестве адвоката, в последующем направил суду второе исправленное исковое заявление, датированное декабрем 1986 года. К предыдущим документам оно добавляет следующее:

а) новым доказательством, подтверждающим компетенцию данного суда по этому делу, является практика других международных судебных учреждений, включая Нюрнбергский трибунал и Стокгольмский суд по военным преступлениям;

б) принудительные меры по соблюдению всемирного права не получили поддержки в Уставе Лиги Наций (и, очевидно, в Уставе ООН);

с) доказательства А – Д (цитаты из статей и монографий самого истца) подтверждают противоправность современного неприятия силлогизма А9, что приводит истца к заключению: само сохранение суверенного права на обладание военным потенциалом (вооружения и сопутствующие материалы) является нарушением международного права.

12. Истец Кноттенбельт завершает свое третье (и последнее) исковое заявление выражением разочарования в связи с тем, что попытки найти надлежащий форум для решения проблемы длятся несколько десятилетий. Он ставит риторический вопрос о пользе международного правосудия и спрашивает: "Зачем же существует правосудие, если к нему нельзя прибегнуть для вынесения решения по столь критической проблеме?"

13а. Аппарат суда обеспечил проработку этого третьего заявления различными организациями и гражданами, включая иностранные посольства в Соединенных Штатах. Целью этой работы (проведенной от имени истца) было получение мнений лиц и организаций, не участвующих, но имеющих свой интерес в деле (*amicus curiae*), содержащих аргументацию "за" или "против" тезиса Кноттенбельта о том, что непринятие решения об отказе от войны как суверенного права государств является нарушением международного права.

13б. Учитывая, что данное дело было представлено на рассмотрение истцом при отсутствии какого-либо ответчика, суд обратился к эсквайру Кэтрин Тинкер, являющейся главным политическим аналитиком в Ассоциации содействия ООН США (Нью-Йорк), с просьбой представить мнение Ассоциации и обеспечить представительство в суде интересов какой-либо организации в роли ответчика. Таким образом, секретарь и члены суда избежали ситуации, при которой они содействовали бы истцу, действующему *in propria persona* (без законного представителя) без участия авторитетного специалиста в области международного права, который мог бы выдвинуть сбалансированную точку зрения от имени государств-ответчиков, то есть конечного адресата интерпретации данного вопроса.

Юрисдикция

14. **Юрисдикционные концепции истца.** По аналогии с рекомендательной юрисдикцией Международного Суда ООН истец в данном деле просит данный суд вынести декларативное решение. Особенность данного дела состоит в том, что истец является физическим лицом, а не особым органом, который в соответствии с положениями Устава ООН и Статута Международного Суда может запрашивать консультативные заключения Суда. Государства, которым через их посольства в Соединенных Штатах были направлены тексты искового заявления, предпочли не признавать юрисдикцию и отказались от присутствия на слушаниях. Второе дополненное исковое заявление истца содержит указание на три источника в пользу юрисдикции данного суда: а) **Билль Всемирного Суда;** б) **Решение Нюрнбергского трибунала;** в) **Процедуру Стокгольмского суда по военным преступлениям.** Эти источники были нами исследованы в соответствии с традиционными принципами международного публичного права. Юридическая основа для правомочия данного суда рассматривать это дело не выводится прямо из аргументов истца. Поэтому мы должны были самостоятельно решить вопрос о своей юрисдикции.

15а. **Билль Всемирного Суда.** Этот Билль был принят консорциумом частных лиц 16 сентября 1982 г. в Брайтоне (Англия) на первой сессии парламента Временного всемирного суда. Парламент собрался под эгидой частной организации, находящейся в Колорадо, известной в США как Федерация Земли. Устав Федерации предусматривает создание международной судебной системы. Ее структура призвана стать альтернативой сомнительно действующему Международному Суду ООН. Последний неоднократно отказывал в принятии к рассмотрению дел, аналогичных делу Кноттенбелта, на основании "неподсудности" либо отсутствия согласия. Члены ООН предпочли не делегировать ту степень суверенитета, при которой Международному Суду были бы подсудны дела по всем спорам, возникающим в соответствии с международным правом. В частности, Международный Суд отказывает в рассмотрении исков, касающихся фактических обстоятельств, на основании отсутствия согласия государств на рассмотрение дел подобной категории.

15б. Истец опирается на "нарождающееся всемирное право", описанное в Билле о Всемирном Суде, как на теоретическое новшество для подтверждения компетенции нашего суда решать данное дело. Он это делает по понятным причинам, учитывая его разочарование существующей системой права, которая до настоящего времени не позволяет решить столь кардинальную проблему лишь

по процедурным соображениям неподсудности по международному праву либо по причине отсутствия согласия государств-ответчиков.

15с. Ни один суд не должен игнорировать новые теории. С другой стороны, наш отказ от фундаментальных юридических ограничений международного права сделал бы невозможным вынесение сколько-нибудь жизнеспособного решения.

16. **Юрисдикционный анализ Временного регионального всемирного суда.** Представляется, что истец исповедует "естественноправовой" взгляд о том, каким должен быть результат, основываясь на предположении, что мы вправе рассматривать это дело. Мы же опираемся на относительно консервативный, но превалирующий "позитивистский" взгляд на международное право, признавая, что точка зрения, воспринятая данным судом, послужит своеобразной линзой, через которую и будет рассмотрено существо вопроса. Суть этих различных взглядов состоит в следующем.

16а. Сторонники "естественноправовой" доктрины в свой анализ проблем, возникающих согласно международному праву, включают цели ценностной политики. Они используют нормы, вытекающие из естественного права, то есть так называемых "законов разума", которые ни одна правовая система не может игнорировать. Этот подход оказал влияние на ранний период развития международного права. Его корни произрастают из убеждения, что существуют универсальные, или непреложные, нормы, которые обязательны для всех субъектов данной системы права.

16б. Натуралистский подход к международному праву уступил место позитивистскому в XVIII–XIX веках. "Позитивисты" выводят содержание международного права из обычаев, договоров и других явно выраженных источников. Некоторые естественноправовые концепции, такие как мораль, равенство перед законом, справедливость для всех и определенные современные нормы, именуемые *jus cogens*, сохраняют свое значение.

16с. Позитивистская правовая доктрина вводит понятие о всемогуществе суверенного государства; воля государства является основой международного права, и право прибегать к войне является неотъемлемым атрибутом суверенитета. С убедительной критикой современного позитивистского подхода в международном праве (а также с аргументами в пользу возрождения естественного права) можно ознакомиться в работе Кунца "Естественноправовое мышление в современной науке международного права" (**Американский журнал международного права.** – 1961. – № 55).

16д. Согласие данного суда с преобладанием позитивистской концепции имеет два положительных момента. Это, во-первых, опора на современные принципы международного права, во-вторых,

более широкая опора на результаты первых составов Временного регионального всемирного суда. Таким образом, парадигма истца о "нарождающемся всемирном праве" снимает необходимость доказывания юридической обоснованности данных слушаний в соответствии с существующими принципами международного публичного права.

17. Существует логическое объяснение неподсудности дела по требованию о глобальном отказе от войны в судах, подобных Международному Суду ООН, региональным судам и данному суду. Проще говоря, согласие является краеугольным камнем для принятия к рассмотрению международно-правовых споров. Ни одно государство в настоящее время не обязано соблюдать решения данного суда при отсутствии согласия на это самого государства.

18а. Обе традиционные парадигмы не являются убедительными доводами для принятия дела к рассмотрению. Во-первых, это дело не является **спором**. Государства – потенциальные оппоненты, рассматриваемые в качестве ответчиков, были извещены о слушаниях через посольства, но оставили это извещение без ответа. Таким образом, нет прямо выраженного согласия государств на рассмотрение этого дела в качестве спора. Как было указано Международным Судом ООН, "единственно возможной основой компетенции Суда является общее и взаимное согласие заинтересованных государств... Презумпции такого согласия быть не может, и, какую бы форму ни носило это согласие, оно должно быть ясно и четко выражено". (Дело о континентальном шельфе. Ливийская Арабская Джамахирия против Мальты, I.C.J. General List No. 68, решение от 21.03.84.)

18b. Второй проблемой юрисдикции в соответствии с традиционной теорией международного права является то, что это не консультативное заключение в том смысле, который имело в виду мировое сообщество. В соответствии со статьей 96 Устава ООН государства определенно согласились на то, чтобы запрашивать консультативные заключения Международного Суда ООН. Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и другие органы ООН или специализированные учреждения, которым Генеральная Ассамблея может дать в любое время разрешение на это, должны запрашивать консультативные заключения Суда в соответствии с Уставом ООН. Проблема использования этой международной судебной инстанции излагается в следующем параграфе.

19. Вышеназванные учреждения ООН не делали (и не стали бы, видимо, делать) попыток передать дело такого рода на рассмотрение Международного Суда ООН, Временного регионального всемирного суда или какого-либо иного международного судебного учреждения. Слишком много было бы поставлено на карту членами Гене-

ральной Ассамблеи и Совета Безопасности при передаче такого деликатного вопроса **любому** международному судебному учреждению. В результате данный суд в настоящее время не получит одобрения вышеуказанных органов ООН. Они не станут спокойно запрашивать консультативного заключения какого-либо суда, включая собственный судебный орган ООН, по делу Кноттенбельта. У членов ООН существует свой взгляд, который несомненно является препятствием для передачи кардинального вопроса о всеобщем отказе от войны в руки независимых судей.

20а. Данный суд не обладает юрисдикцией, вытекающей из Устава ООН и Статута Международного Суда. Но данный суд пользуется преимуществом, предоставленным резолюцией Международной ассоциации юристов, а именно согласием поддержать после дальнейшего изучения свое потенциальное одобрение Временного регионального всемирного суда, и потенциальной ролью, которую Ассоциация может играть в развитии этого суда (**Резолюция Международной ассоциации юристов о Временном региональном всемирном суде**, Барселонская конференция 1991 г.). В данный момент признание Ассоциацией суда *de facto* существует лишь в виде резолюции.

20б. Понятно, что отсутствие основы для состязательного процесса либо для вынесения консультативного заключения в соответствии с традиционными принципами международного права не удовлетворяет истца Кноттенбельта. Однако юрисдикция данного суда должна проистекать из другого источника. Наши мнения могут претендовать на определенную степень признания в силу слияния двух источников, названных в вышеупомянутом Статуте Международного Суда ООН – “позитивистском” своде современных источников международного права.

21. Квинтэссенцией определения содержания международного права является статья 38 Статута Международного Суда, которая гласит: “Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет:

- a) международные конвенции [договоры], устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;
- b) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;
- c) общие принципа права...;
- d) судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву... в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм”.

Наш позитивистский анализ совпадает с этим перечнем источников. Те члены ООН, которые проигнорировали силлогизм истца об отказе от войны (A9-s) (не ответив на исковое заявление, переданное

им через посольства), в соответствии со статьей 93(1) Устава ООН в обязательном порядке признают это положение Статута Международного Суда ООН.

22. Представляется очевидным, что Временный региональный всемирный суд еще не действует в соответствии с какой-либо международной конвенцией или обычаем, доказывающим всеобщую практику государств. Профессор Кэмбриджского университета Хирш Лаутерпахт приводит любопытную аналогию: "Решения, принимаемые внутри определенного государства [или другим судом], в случае их единообразия и авторитетности могут рассматриваться как выражающие *opinio juris* [обязывающие нормы будущего] данного государства". (H. Lauterpacht. *The Development of International Law by the International Court*, at 20, rev. ed. London: Stevens & Sons, 1958.)

23а. Остающаяся законная альтернатива предполагает иную основу для признания работы данного суда. Наше мнение может однажды приобрести достаточный авторитет, чтобы получить признание государств, желающих дать явно выраженное согласие на юрисдикцию Временного регионального всемирного суда и, таким образом, считать его решения обязательными. Однако в настоящее время это пока не так.

23б. Гораздо более внушающей доверие основой для включения этого мнения в позитивистскую парадигму, представленную вышеупомянутым Статутом Международного Суда ООН, являются "учения" публицистов. Если другие ученые и судебные учреждения сочтут в конечном счете наше мнение полезным вкладом в развитие международного права, оно в этом случае может получить достаточное признание в качестве одного из авторитетных источников этой отрасли права.

23с. В качестве альтернативы данный суд может распространить свою юрисдикцию по существу дела в соответствии с собственным Уставом. Вопросы принудительного исполнения и авторитет мнения этого суда находятся в компетенции политического отдела Временного регионального всемирного суда, созданного в Брайтоне (Англия) в 1982 году (см. выше, п. 5). На такой ранней стадии развития этой альтернативной судебной организации является очевидным тот факт, что юрисдикция по ее уставу не такова, чтобы быть немедленно признанной мировым сообществом. Но данный суд также признает, что принятие к рассмотрению и анализ международно-правовых вопросов не находятся исключительно в компетенции только тех международных судебных организаций, которые были созданы решением суверенных государств либо международных организаций. Вопрос существования данного дела не должен навечно оставаться в тупике из-за неподсудности.

24. В ситуации, когда эта неясность с международным признанием не может быть немедленно снята, судебное мнение данного суда может, тем не менее, служить в качестве вспомогательного средства для определения содержания международного права в соответствии со статьей 38а Статута Международного Суда ООН. Опубликованные мнения судей Временного регионального всемирного суда могут, таким образом, рассматриваться согласно статье 38 в качестве доктрин авторитетных специалистов, избранных в качестве судей по данному делу. Данный суд продолжит изучение практики государств на предмет существования соответствующих обычаев, которые государства рассматривают как обязательные в своих взаимоотношениях. [См.: Slama. *Opinio Juris in Customary International Law*. 15 *Oklahoma City Univ. Law Rev.* 603 (1990).]

25. **Нюрнбергский и Стокгольмский суды по военным преступлениям.** Истец опирается на эти альтернативные основания в вопросе о юрисдикции Временного регионального всемирного суда. Хотя результат деятельности этих трибуналов важен для анализа материальных норм, касающихся отказа от войны, они не являются юрисдикционной основой для данного суда, чтобы рассмотреть дело по существу. Так же как Билль Всемирного Суда установил рамки своих трибуналов, другие упоминавшиеся суды ограничены аналогичным образом.

26а. В международном праве юрисдикция судов и арбитражей основывается на международных соглашениях, создающих соответствующий орган. В случае с Нюрнбергским трибуналом, например, четыре государства приняли Нюрнбергский учредительный договор. Они определили точные рамки задачи, стоящей перед членами этого трибунала. Союзники применили ту же процедуру для создания восточного аналога этого трибунала – Токийского, юрисдикция которого была также ограничена очень конкретными задачами.

26б. В деле Кноттенбелта не было такого международного соглашения, которое бы по аналогии наделило юрисдикцией данный суд. Его устав относится к частным, а не публичным источникам. Частное лицо, таким образом, должно признать юрисдикцию Временного регионального всемирного суда, что в историческом плане не признавалось по международному публичному праву.

26с. Еще одним неотъемлемым ограничением в традиционном юрисдикционном анализе является взаимозависимость между правом на судебный иск и подсудностью. Истец должен доказать наличие прямого ущерба. Это ограничение обеспечивает условия, при которых дело на рассмотрение по существу передается тем лицом, интересы которого были в достаточной мере затронуты действием, о котором идет речь в исковом заявлении. Истец Кноттенбелт дол-

жен был бы доказать, что именно **ему** был нанесен вред действием или бездействием государств мирового сообщества. Если проводить традиционный анализ, то данное дело неосновательно из-за отсутствия явного вреда, когда частное лицо возбуждает дело на основании международного публичного права, той отрасли права, которая регулирует в первую очередь поведение государств. Даже в традиционном международном процессе третьим сторонам не предоставляется карт-бланш в деле предъявления претензий при отсутствии достаточных доказательств наличия прямого ущерба. В деле по Юго-Западной Африке 1966 года Эфиопии и Либерии отказано в праве в судебном порядке подвергать сомнению мандат ЮАР на управление Юго-Западной Африкой.

27а. Как будет показано ниже, появляется, однако, возможность для **частных лиц** обращаться в суд с иском, когда государства согласны на судебное разбирательство при определенных условиях. Хотя уже сейчас определенные судебные инстанции Европейского сообщества обладают эффективными полномочиями для рассмотрения таких дел. Частные лица, как и государства, могут, таким образом, быть "сторонами" в спорах, рассматриваемых в определенных международных судах. Политические и экономические общие знаменатели членов Сообщества привели к их готовности впервые в истории передать часть государственного суверенитета судебным учреждениям, которые вследствие этого могут рассматривать дела, переданные им индивидами.

27б. Таким образом, данный суд решил принять к рассмотрению по существу данное дело на основе того, что истец заявляет о причинении вреда в результате действия (или бездействия) со стороны сообщества государств. Наше последующее решение по существу дела, возбужденного истцом, в корне отлично от данного предварительного решения вопроса о том, вправе ли мы принять к рассмотрению данное дело. Решив таким образом положительно вопрос о юрисдикции, суд еще не признал, что он согласен с истцом по существу дела.

28. **Юрисдикционное заключение.** В соответствии с существующей практикой государств по международному публичному праву юрисдикционная основа отсутствует. Однако члены Временного регионального всемирного суда могут и должны принять к рассмотрению по существу заявление истца Кноттенбелта относительно существования "всеобщего" отказа от войны. Суд обладает юрисдикцией для такого рассмотрения в соответствии с уставом Федерации Земли (см. выше, п. 15). Это самый убедительный довод истца для рассмотрения дела судом по существу. Вопрос о том, может ли данное решение служить источником международного права в соот-

ветствии со статьей 38 Статута Международного Суда ООН, данным судом однозначно решен быть не может.

Рассмотрение дела по существу

29. **Введение.** В данный момент рассматриваются возможные основания для признания, согласно которому, по утверждению истца, все государства должны отказаться от войны. Выражаясь языком международного права, истец выиграет дело, если его иск основан на норме *jus cogens*. Если соответствующая норма имеет столь прочную основу, что любое отступление от нее недопустимо, ее признают нормой *jus cogens* – императивной нормой международного права. Кардинальным в данном деле является вопрос о том, считается ли всеобщий отказ от права обладания военным потенциалом такой нормой, от которой не вправе отступить ни одно государство.

30a. Работая над проектом Венской Конвенции о праве международных договоров, Комиссия международного права ООН рассмотрела положения Устава ООН о запрещении применения государствами силы. Комиссия пришла к заключению, что такое запрещение в отношении ведения агрессивных войн является нормой *jus cogens*.

30b. По статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров, норма права является нормой *jus cogens*, если она принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой международного права, носящей такой же характер.

30c. В настоящее время некоторые видные ученые, однако, подвергают сомнению существование нормы *jus cogens* в системе международного права. (См., например, Sztucki. *Jus Cogens and the Vienna Convention on the Law of Treaties: a Critical Appraisal*. – Vienna: Springer-Verlag, 1974.)

30d. Если столько государств вели агрессивные войны, в частности в период новейшей истории, то является очевидным, что только самое ясное доказательство может позволить считать, что запрещение обладания военным потенциалом составляет *jus cogens*. Более того, запрещение применения силы по статье 2(4) Устава ООН не означает, что эта норма *jus cogens* содержит требование об отказе от обладания военным потенциалом аналогично тому, как об этом говорится в статье 9 Конституции Японии. Данный суд изучил различные источники, чтобы установить, является ли указанный аспект

отказа от войны императивной нормой международного права, отступить от которой не вправе ни одно государство.

31. **Военные ограничения до XX века.** Рассматривая это дело, суд должен прежде всего признать следующее: в ходе истории государства прибегали к различным сочетаниям угрозы силой, экономического давления и военных действий в качестве средства достижения своих политических целей. На словах большинство государств осуждают эти методы. Однако часто в случае необходимости они прибегают к этому злу, когда на карту поставлены их важные национальные интересы.

32. Генезис этой современной реальности берет начало в концепции "справедливых" войн. За много веков до нашей эры агрессивная война считалась справедливой, если для нее была справедливая причина. Но не было международного механизма для определения, что же является "справедливым", а что – нет. Никогда не существовало верховного международного исполнительного органа, который бы обеспечивал принудительное исполнение международного права таким же образом, каким обеспечивается исполнение внутригосударственных законов. В XIX веке европейские державы, сформировавшие современное международное право, признавали войну в качестве механизма принуждения в этой отрасли права.

33. Правомерность точки зрения на войну как механизм принуждения в праве удачно отражена в следующем отрывке из работы "Война как законный инструмент национальной политики" (2 Oppenheim's "International Law" 177-78. 7th ed. H. Lauterpacht. – London: Longmans, 1952): "Институт войны выполнял в международном праве две противоположные функции. За отсутствием международного правоприменительного органа война была средством самопомощи в деле реализации претензий, основанных или якобы основанных на международном праве. Юридическая и моральная сила понятия войны в качестве орудия закона была такова, что в большинстве случаев... она объяснялась... использованием в интересах защиты законного права. Эта концепция войны была тесно связана с делением войн на справедливые и несправедливые, возникшим в период становления [современного] международного права и не утратившим актуальности... При отсутствии международного законодательного органа это явилось незрелым суррогатом для восполнения несовершенства организации международных отношений... Как писал [английский профессор] Хайд в 1922 году, "государство всегда обладает властью... достижения политического или иного преимущества над другим... путем прямого обращения к войне". Международное право не считало незаконной войну, которая, по общему признанию, велась с этой целью... Война рассматривалась в праве как естествен-

ная функция государства и прерогатива его неограниченного суверенитета". Подобный подход был, конечно, лишен четкой объективности. Если война была справедлива, то самооборона была несправедлива (положение, которое было с очевидностью опрокинуто принятием Устава ООН, в том числе ст. 2(4), запрещающей применение силы, и ст. 51, разрешающей самооборону).

34. За последнее столетие это естественноправовое положение о "справедливых" войнах уступило место современным позитивистским представлениям в международном праве. Последние обходят разницу между справедливой и несправедливой войной. Вместо нее теоретики рассматривают два воюющих государства как равно суверенные. Вследствие этого ни одно из суверенных государств не может охарактеризовать свою войну как "справедливую", а войну противника – как "несправедливую". Нерушимость государственного суверенитета предотвратила признание в международном праве принудительного обращения к войне. (См. E. de Vattel. 3 The Law of Nations, 1758. – New York: J. Scott reprint, 1964.)

35. Система консультаций европейского согласия XIX века дала начало новой эре военного ограничения на международную арене. Война не была поставлена вне закона. Государства должны были лишь консультироваться с целью ограничения взаимно согласованных методов ведения войны. Этот подход стал генезисом урегулирования конфликтов на международных конференциях.

36. **Гаагские конференции мира.** Система "конференций" продолжила рассмотрение вопросов войны с точки зрения скорее ограничений, нежели прямого отказа от войны. Гаагские конференции мира 1899 и 1907 годов сделали попытку ограничить использование государствами оружия. Проекты различных договоров и деклараций охватывали такие вопросы, как применение к морской войне принципов Женевской конвенции 1864 года о правилах ведения войны, запрет метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров, запрет применения разрывных пуль, а также Конвенцию относительно начала военных действий. Первейшим доказательством того, что участники попытались лишь ограничить международные военные столкновения, являлось общее требование о заблаговременном объявлении войны.

37. Этот метод ограничения войны был обречен. Не существовало ни международных вооруженных сил, ни, к сожалению, эффективной системы защиты от нарушений "ограничений" Гаагских конференций. Основным механизмом разрешения споров стала Постоянная палата третейского суда. До начала первой мировой войны не было явно выраженного – или даже подразумеваемого – отказа от войны. Это лишает обоснованности всякое утверждение, что до XX столетия существовала международная обязанность отказа от войны.

38. **Отказ от войны в XX веке.** Оказалась ли подорванной "правовая" основа для войны с учетом многочисленных договоров, заключенных с целью предотвращения войны? Если придерживаться позитивистской концепции, а не естественноправовой, то договоры и обычная практика государств являются основными источниками для ответа на вопросы, возникающие в международном праве. Наше заключение, таким образом, исходит из поиска оснований для утверждения истца, что отказ от войны является универсальным.

39. **Устав Лиги Наций.** В 1919 году Версальский договор утвердил надежду на всеобщий мир после первой мировой войны. В то время этот договор обычно называли "войной за прекращение всех войн". Его первая часть содержала Устав Лиги Наций. Статья 12 ныне не действующего Устава часто истолковывалась в качестве первого многостороннего договорного положения, ставящего войну "вне закона". Но она не поставила войну вне закона. В ней устанавливалось: "Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо рассмотрению Советом. Они соглашаются еще, что они ни в коем случае не должны прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после принятия решения третейскими судьями или доклада Совета".

Договор действительно был новым вкладом в принципы, относящиеся к применению силы. Это была первая мера коллективной безопасности. По статье 16, война против одного из членов означала акт войны против всех других. Бросание камня в одну часть глобального "моря" вызвало бы, таким образом, зыбь войны во всем водоеме. Это положение не запрещало войну. Оно лишь повышало ставки на случай, если одно государство решило бы начать войну против другого.

40. Статьи 12 и 16 были на деле испытаны – потерпели фиаско – в итальянской войне 1935 года против Абиссинии (ныне Эфиопия). Устав Лиги Наций не сработал. Члены Лиги Наций поэтому обратились за помощью к Англии и Франции. Эти страны установили эмбарго на экспорт некоторых итальянских товаров. Однако они не рискнули объявить войну своему итальянскому торговому партнеру. Первое испытание статьи 12 о военном ограничении окончилось провалом. Устав Лиги Наций не смог предотвратить начало второй мировой войны. Другими примерами государственного вероломства были вторжение Японии в Маньчжурию и германское – в Австрию.

41. Ни один специалист по международному праву, историк или суд не могут с полной уверенностью заявить, что это так называемое положение об отказе от войны было признано в качестве нормы международного права. США так и не вступили в Лигу Наций, где

доминировали европейские страны. Из-за отсутствия более широкого членства доверие к Лиге было подорвано. Она была не в состоянии ограничить применение силы. Ее пресловутое положение об отказе от войны было лишь мечтой нескольких выдающихся государственных деятелей. Они недальновидно надеялись, что атрибуты суверенитета могут быть преодолены намерением государств исключить войну из арсенала международных отношений.

42. **Пакт Бриана – Келлога.** Единственный убедительный довод в пользу положения о международном отказе от войны содержится в Парижском мирном договоре 1928 года, часто именуемом Пактом Бриана – Келлога, названным так в честь американского и французского представителей. [См. *General Treaty for Renunciation of War as an Instrument of National Policy of August 27, 1928*. 46 Stat. 2343, 94 L.N.T.S. 59 (1929).] Материальными положениями этого договора являются следующие:

”Статья I

Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов по принадлежности, что они **осуждают** обращение к **войне** для урегулирования международных споров и **отказываются от таковой** в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики.

Статья II

Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах”.

Устав Лиги Наций 1919 года допускал войну. Это соглашение 1928 года имело целью заполнить пробел между военным ограничением и запрещением войны.

43. **Оборонительные войны.** Данный суд не разделяет убеждения истца Кноттенбелта в том, что Пакт Бриана – Келлога поставил вне закона даже оборонительную войну. Истец ошибочно истолковывает этот пакт как запрещающий даже применение силы в случае обороны. В качестве доказательства ”А” в его втором дополненном исковом заявлении, например, Кноттенбельт приводит свою публикацию под названием ”Прозрачная аксиома A9-s” (Lunteren, Neth. – PGP Publicists, 1984). В комментариях к параграфу 8 этой работы гово-

рится: "Приговор Токийского трибунала в ноябре 1948 года подтверждает, что с подписанием Парижского пакта от 27 августа 1928 г. самооборона с применением силы или угрозы силой перестала быть суверенным правом".

44а. Токийский приговор 1948 года не подтверждает теории истца. Конституция Японии 1946 года прямо отвергла войну (см. выше, п. 2а). Однако содержание статьи 9 является более ограниченным, чем полагает истец. Первый из двух ее пунктов устанавливает отказ Японии от "войны" и применения силы и угрозы силой лишь "в качестве средства разрешения международных споров". Второй параграф отрицает "право на состояние войны".

44b. Разрешение споров с помощью иных форм применения силы либо санкций не обязательно является запрещенным. Агрессивная же война запрещена для любых целей. Различие между этими разнообразными формами применения силы и войной иногда трудно различимо. [См. Yamada. *The New Japanese Constitution 4 Int'l & Comp.// Law Quarterly* 197 (1955).] Эти проблемы толкования послужили генезисом исчерпывающего исследования Конституции Японии, предпринятого в 1957–1964 годах с безуспешной целью достичь ее полного пересмотра. (См. J. Maki (ed.). *Japan's Commission on the Constitution//The Final Report*. – Seattle: Univ. of Wash. Press, 1981.)

45. В отличие от статьи 9 измененной японской Конституции, ни Токийский приговор (рассмотрен в п. 57 данного заключения), ни обычная практика государств не содержат какого-либо запрета на оборонительные войны. Более того, Токийский трибунал просто не согласился с аргументом защиты Японии о том, что ее военные усилия были предприняты лишь в целях самообороны. Суд подтвердил, что по международному обычному праву ни одно государство не может быть единственным арбитром для односторонней характеристики войны как необходимой меры самообороны.

46. Каждое суверенное государство, включая Японию, обладает неотъемлемым правом на самооборону, правом, возникшим согласно международному обычному праву и неоднократно им подтвержденным. Истец в данном деле пытается убедить нас использовать "буквальное значение" при толковании понятия отказа от войны, чтобы охватить им все войны, включая войны по своей природе оборонительные. Никто не может приписать Пакту Бриана – Келлога 1928 года отказ от самообороны. Как отмечалось американским представителем, "право [на самооборону] является неотъемлемым для каждого суверенного государства и подразумевается в каждом международном договоре. Любое государство вправе в любое время и несмотря на положения договоров защищать свою территорию от нападения или вторжения... Если это правовое дело, мир будет аплодировать, а не обсуждать его действия". (*Travaux-preparatoires for the Peace Pact of Paris*. 1 *Foreign Relations of the United States* 32. – Wash. DC: Dep't State, 1942.)

47. Мы не можем включить японский односторонний отказ от войны в ограниченное постановление Токийского трибунала для целей, которые отстаивает истец. Его решение эффективно установило международное ограничение на возможность для государства заявлять о самообороне в качестве оправдания ведения войны. Ни один известный нам суд не выносил специально или явно постановления о том, что международное право запрещает войну, предпринимаемую для целей самообороны. Наконец, послевоенные чаяния государств были совершенно ясно выражены в Уставе ООН. Статья 51 предусматривает, что "настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону".

48. Истец Кноттенбельт характеризует весь Устав ООН как прямо противоречащий так называемому силлогизму A9-s, то есть тому, что Токийский трибунал предполагает учет статьи 9 Конституции Японии об отказе от войны в качестве универсальной нормы. Однако Устав есть не что иное, как позитивное выражение *opinio juris* государств. Таким образом, они вправе обладать военной силой для целей самообороны. Международное право не препятствует осуществлению права на самооборону.

49а. **Агрессивные войны.** Теперь мы должны обратиться к другому аспекту данной проблемы: является ли Пакт Бриана – Келлога жизнеспособной основой, подтверждающей аргумент истца Кноттенбельта о том, что международное право запрещает государствам поддерживать свою военную мощь для ведения агрессивных войн?

49b. Любой договор может стать недействительным в силу последующей противоречащей ему практики государств. Такое аннулирование может быть следствием грубого нарушения договора либо его несоблюдения, когда стороны игнорируют положения этого договора. Международным Судом ООН в апелляции, относящейся к юрисдикции Совета ИКАО (**Индия против Пакистана**, ICJ General List No. 54, Judgement of August 18, 1972), отмечалось: "Решение вопроса о том, что нарушение международного договора имело место, а также о том, что оно такого серьезного характера, что предоставляет право другой стороне прекратить договор либо приостановить его действие, предполагает и требует толкования такого договора. Прежде всего необходимо определить, является ли поведение стороны действительно противоречащим либо несоответствующим положениям договора или исключается, учитывая его намерения. Далее необходимо определить, имело ли место грубое нарушение, поскольку только такое нарушение дает право другой стороне на прекращение или приостановление действия договора. В статье 60 Венской конвенции о праве международных договоров, которую Суд в этом отношении

рассматривает как кодификацию существующего обычного права, грубое нарушение определяется как нарушение положения, существенного для достижения объекта и целей этого договора”.

50. По статье 60 Венской конвенции о праве международных договоров, грубое нарушение многостороннего международного договора дает право ”другим участникам... приостановить действие договора... в отношениях между собой и государством, нарушившим договор”. По статье 60 (3b), существенное нарушение договора состоит в ”нарушении положения, имеющего существенное значение для осуществления объекта и целей договора”.

51a. Позиция Международного Суда ООН такова, что отказ от договора может быть подразумеваемым. Приведем выдержку из одного заключения Суда по делу: ”Как поясняет в своем докладе о праве международных договоров Комиссия международного права, ...хотя ”устарелость” или ”неприменение” договора могут быть объективной причиной прекращения договора, юридическим основанием для такого прекращения, когда оно имеет место, является согласие сторон на отказ от договора, что должно подразумеваться в их поведении, связанном с договором” (Yearbook of the International Law Commission. – 1966. – Vol. II. – P. 237). См. Дело о ядерных испытаниях (**Австралия против Франции**, ICJ General List No. 58, Order of December 20, 1974 – construing The General Act of Geneva of 26 September 1928 for the Pacific Settlement of International Disputes).

51b. Данный суд признает, что неприменение договора не является основанием для прекращения договора по Венской конвенции. Данное ограничение не применяется, однако, к договорам, вступившим в силу в дату до 1969 года*. Мирный пакт 1928 года классически иллюстрирует его устарение и грубое нарушение, которое может подразумевать отказ от его положений, запрещающих войну. Слишком многие участники этого Пакта не соблюдали его положения об отказе от войны, а это Пакт, который мог бы стать гораздо более серьезным основанием для аргументов истца в данном деле, нежели статья 9 Конституции Японии или решение Токийского трибунала 1948 года (см. п. 44a, выше).

52. В число участников Пакта Бриана – Келлога 1928 года входили Германия (еще до объединения), Ирак, Италия, Япония, Советский Союз, Англия и США. Но они, тем не менее, вели войны, которые международным сообществом рассматривались скорее в качестве ”агрессивных”, чем ”оборонительных”. Действия Германии и Японии во время второй мировой войны не были да и не могли быть охарактеризованы как оборонительные по своей природе. Ирак вторгся в

---

* Дата вступления в силу Венской конвенции. – Прим. ред.

Кувейт в 1990 году, выражая намерение использовать весь имеющийся военный потенциал для сохранения режима оккупации. В период между второй мировой войной и нападением на Кувейт Советский Союз вторгся в Афганистан и в течение почти десяти лет вел военные действия против сил коренного населения; Англия вела войну против Аргентины на Фолклендских островах с целью решения территориального спора; Соединенные Штаты вели необъявленные войны и осуществляли так называемые "полицейские акции" в Доминиканской Республике, Гренаде, Панаме и Вьетнаме.

53. Учитывая ведение агрессивных войн многими государствами, подписавшими Пакт Бриана – Келлога, тезис истца, что отказ от войны отрицает право на обладание военным потенциалом, может быть перефразирован следующим образом:

а) Пакт Бриана – Келлога является наилучшим аргументом истца в утверждении о том, что государства согласились на отказ от войны (поскольку решение Токийского трибунала 1948 г. не универсализировало ст. 9 Конституции Японии 1946 г.);

б) с 1928 года этот договор был сведен на нет агрессивными войнами, которые вели государства-участники, что привело к его грубым нарушениям и неисполнимости ввиду повторяющихся нарушений;

с) истец Кноттенбелт прав в том, что государства согласились на отказ от агрессивных войн и что у них есть моральная обязанность воздерживаться от таких войн;

д) обычная практика государств, однако, свидетельствует, что они сохраняют и будут сохранять потенциал для ведения агрессивных войн – аспект Пакта Бриана – Келлога, отличный от просто отказа от войны в принципе.

54. **Документы о военных преступлениях.** Двумя крупнейшими процессами над военными преступниками в этом столетии являются Нюрнбергский 1945 года и Токийский 1948 года трибуналы (см. дискуссию о юрисдикции в п. 26). Концепция суда над военными преступниками не ограничивается этими послевоенными процессами. Существуют свидетельства о таких процессах в 405 году до н.э. в районе нынешней Турции; в средневековой Европе; после первой мировой войны известен процесс над командиром подводной лодки, который торпедировал британское госпитальное судно, потопив перед этим его спасательные шлюпки. (См. M. Hingorini. *Modern International Law*. 2d ed. – New York, NY, USA: Oceana, 1984.) Отчет о послевоенном суде над германскими руководителями можно найти в работе Фрида. [См. Fried. *The Great Nuremberg Trial*, 70 *American Political Science Review* 192 (1976).] Отчет о Токийском процессе над японскими руководителями приводится в работе: P. Piccigallo. *The*

Japanese on Trial: Allied War Crimes Operations in the East, 1945–1951. – Austin, TX, USA: Univ. of Texas Press, 1979.

55a. Истец Кноттенбельт утверждает, что Токийский трибунал с участием одиннадцати государств "универсализировал" статью об отказе от войны, содержащуюся в Конституции Японии 1946 года. Можно по аналогии утверждать, что Генеральная Ассамблея ООН придала "универсальный" характер решению Нюрнбергского трибунала 1946 года с участием четырех государств. Ее резолюция 95 (1) не бесспорно включила Нюрнбергские принципы в систему международного права. Основной предпосылкой для этого является следующее: государство, прибегающее к войне для достижения своих политических интересов, ведет агрессивную войну, а значит, совершает тягчайшее международное преступление – ведение агрессивной войны.

55b. Иск Кноттенбельта содержит множество "подтверждающих" документов, в которых делается ссылка на особое мнение судьи Пала, не согласного с решением Токийского трибунала 1948 года. В то время как большинство судей (восемь из одиннадцати) признали японских ответчиков виновными в военных преступлениях, индийский судья Пал с этим не согласился. Но его несогласие с приговором противоречит позиции истца. Пал согласился с аргументом японской защиты о том, что до второй мировой войны в международном праве не было **обязательной нормы** (т.е. Пакта Бриана – Келлога), а также последующей основы для заключения Трибунала о том, что война была фактически незаконна в соответствии с международным правом. Пал далее утверждал, что свобода государства обращаться к войне была "признанной нормой международной жизни". Он далее заметил, что "война как законный инструмент самопомощи была обычной практикой государств в случаях, когда мирные средства не помогали". (См. R. Pal. International Military Tribunal for the Far East: Dissident Judgement 103. – Calcutta: Sanyal, 1953.) Таким образом, Пал не согласился с решением большинства, в котором ответчики были признаны виновными в военных преступлениях. По мнению Пала, они не могли быть виновны в том, что юридически не составляло преступления. Неспособность международного сообщества **действительно** отвергнуть войну отрицает уместность судить физических лиц за так называемые военные преступления Японии.

56. Более ранний Устав Нюрнбергского трибунала был разработан Англией, Францией, Советским Союзом и Соединенными Штатами. Он содержал возвышенную идею о наказании физических лиц, которые осуществили решение государства вести агрессивную войну. Как указывается в решении Нюрнбергского международного военного трибунала 1946 года, "вменение в обвинительном акте того, что

ответчики планировали и вели агрессивные войны, является чрезвычайно тяжелым. Война является, по существу, злодеянием. Ее последствия не только сказываются на воюющих сторонах, но и затрагивают весь мир в целом. Поэтому начать агрессивную войну значит совершить не только международное преступление; это **тягчайшее** международное преступление, отличающееся от других военных преступлений тем, что оно несет в себе все сконцентрированное зло". [Нюрнбергский] Устав определяет в качестве преступления подготовку и ведение войны, то есть агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров.

57. Как и Нюрнбергский трибунал, Токийский трибунал был наделен юрисдикцией в соответствии со своим Уставом, составленным почти сразу после капитуляции побежденных государств. В сентябре 1945 года военный Объединенный Комитет начальников штабов США поручил генералу Макартуру выступить обвинителем главных японских "военных преступников". Обвинительные акты в отношении японских ответчиков были во многом аналогичны актам в отношении германских ответчиков на Нюрнбергском процессе. Токийский Устав был первоначально составлен Соединенными Штатами; потом в него вошли различные поправки обвинителей со стороны союзников. Статья 5 этого Устава уполномочила Токийский трибунал рассматривать преступления против мира, в частности "подготовку и ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны или войны в нарушение международного права, договоров, соглашений или гарантий". Решением Международного военного трибунала для Дальнего Востока 1948 года два десятка избранных японских ответчиков были признаны виновными в совершении военных преступлений. [См. R. Wright. The History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War 383. — London: H.M. Stationery Off., 1948; Horwitz. The Tokyo Trial, 465 International Conciliation 475 (1950).]

58. По мнению судей Нюрнбергского и Токийского трибуналов, их процесс над военными преступниками обеспечил правовую защиту от нарушений "существующего" международного права. В Нюрнбергском приговоре, например, мнение Трибунала содержало следующее положение: «[Нюрнбергский] Устав определяет в качестве преступления планирование и ведение войны, являющейся агрессивной, или войны в нарушение международных договоров. Трибунал вынес решение, что некоторые ответчики участвовали в планировании и ведении агрессивных войн против десяти государств и, следовательно, являются виновными в этой серии преступлений. Это освобождает нас от необходимости более детального обсуждения и даже от подробного рассмотрения того, в какой мере эти агрес-

сивные войны были также "войнами в нарушение международных договоров...">. (См. 22 International Military Tribunal Trial of the Major War Criminals 411 (1948); ст. 5 Устава Токийского трибунала, а также п. 57 данного заключения.)

59. Оба решения предоставляют истцу Кноттенбелту абсолютную поддержку в утверждении, что государства, ведущие агрессивные войны, виновны в военных преступлениях по международному праву. Юрисдикция обоих Трибуналов проистекала из уставов, ревностно отразивших чувства победителей; побежденные должны быть наказаны за свои нарушения "обязательства" не вести агрессивной войны. В то же время нет и упоминания о том, что государства должны также отказаться от своего суверенного права обладать военным потенциалом (в отличие от ст. 9 Конституции Японии, которая является специфическим положением внутреннего права).

60. Наш суд должен проникнуть в суть справедливого негодования, вызванного событиями и приговорами Нюрнбергского и Токийского трибуналов союзников. Обязанностью данного Суда является проведение независимого анализа на предмет того, существует ли на самом деле в соответствии с международным правом ответственность государств за обладание военным потенциалом. Такая ответственность должна была бы быть прямо выражена в договорах либо вытекать из обычной практики государств. Истец утверждает, что в отсутствие такой ответственности государств суд над германскими и японскими ответчиками создал нормы *ex post facto*, или, иными словами, законы, имеющие обратную силу, то есть вменяющие в вину то, что до того считалось допустимым. Это было сутью особого мнения судьи Пала. Данный суд исследует несколько направлений разрешения этой проблемы, которая незримо присутствует в иске Кноттенбелта. Степень сомнения в правильности решений судов над военными преступниками обратно пропорциональна убедительности утверждения истца Кноттенбелта о том, что государства не имеют даже права обладать военным потенциалом.

61. Если государства-победители будут считать себя стоящими "выше права", то права вообще нет. Как отмечалось в редакционной статье газеты "Нью-Йорк таймс" в 1946 году, история "рассудит эти Трибуналы в целом, ответив на вопрос, признают ли сами победители те стандарты и законы, которые они навязывают побежденным. Судья побежденных, победители судят еще и себя". ("New York Times". - 1946. - May 14, at 20, col. 2.) Нужно признать также и следующий непреложный факт: если бы союзники проиграли гонку за обладание атомной бомбой, не было бы ни Нюрнбергского, ни Токийского процессов в том виде, какими мы их знаем. (См. R. Wilcox. Japan's

Secret War – Japan’s Secret Race Against Time to Build Its Own Atomic Bomb. – New York: Wm. Morrow & Co., 1985.)

62a. Наш суд начинает анализ *ex post facto* с изучения существовавших в то время взглядов на законность этих двух процессов. Один из несогласных с решением Токийского трибунала, состоявшего из одиннадцати судей, возражал против признания трибуналом обязанности воздерживаться от ведения агрессивной войны. Суть несогласия судьи Пала (см. выше, п. 55) состоит в следующем: до второй мировой войны не существовало обязательных норм международного права (имеется в виду Пакт Бриана – Келлога) и никакой вытекающей из них основы (т.е. Уставов Трибуналов по военным преступлениям) для вынесения решения большинством судей Токийского трибунала о том, что война по международному праву была вне закона. По словам судьи Пала, сохранение государством своего права обращаться к войне было “признанной нормой международной жизни”, а “война была законным средством самопомощи”, когда мирные решения не давали результатов. Таким образом, отсутствие какого-либо международно признанного отказа от войны не давало возможности союзникам на законном основании судить обвиняемых индивидов за так называемые военные преступления Японии. (R. Pal. International Military Tribunal for the Far East: Dissident Judgement 103. – Calcutta: Sanyal, 1953.)

62b. Сенатор США Роберт Тафт, лидер республиканского большинства, говоря о Нюрнбергском решении, называет его “судебной ошибкой, о которой американский народ будет долго сожалеть”, так как “суд над побежденными руководителями не может быть беспристрастным, как бы ни пытались это обставить процессуальными формами”. Обстоятельства, подобные проблеме *ex post facto*, и попытки дать этому объяснение можно найти в работе Миньона [Mignone. After Nuremberg. – Tokyo, 25 Texas Law Rev. 475 (1947).]

63. Следующим элементом анализа проблемы *ex post facto* является обычная практика государств после 1928 года. Если бы война тогда была действительно запрещена или от нее отказались в соответствии с международным правом, как это утверждает Кноттенбельт (и многие другие), тогда уставы трибуналов по военным преступлениям не являлись бы законами *ex post facto*.

64. Как Нюрнбергский, так и Токийский Уставы, в сущности, придерживаются предположительно священного и неуязвимого “правила”: государства, ведущие агрессивные войны, нарушают императивную норму международного права, всякое отступление от которой недопустимо (*jus cogens*). К сожалению, практика многих государств, подписавших Парижский пакт 1928 года, впоследствии явно противоречила пониманию его как навсегда запретившего

войну по международному праву. То, как поступают государства, а не только то, как они **должны** поступать, является сущностью *opinio juris*. Учитывая последующее несоответствие поведения многих государств положениям Пакта и его фактическое забвение, практика государств не совпадает с характеристикой отказа от войны в качестве императивной нормы. Этот принцип, очевидно, вообще стал неприменим, хотя немногие специалисты международного права готовы признать этот очевидный факт международной жизни. Хотя точность этого юридического положения может вызывать различные суждения, несомненно то, что ни одно государство, кроме Японии (через ее внутреннее право), не обязано отказаться от суверенного права обладания военным потенциалом.

65. Профессор Мичиганского университета Вильям Бишоп выражает свое разочарование по поводу данной дилеммы в следующих словах: "Что в таком случае дало... международное право для процветания человечества со времени своего появления? Ответ ясен и прост: ничего. Со времени Нюрнберга произошло, по меньшей мере, восемьдесят или девяносто войн (некоторые подсчеты не включают вооруженные вторжения в соседние государства, которые слишком слабы, чтобы сопротивляться), часть из которых были крупномасштабными. Этот перечень включает Корейскую войну, вторжение на Суэц [Франции и Англии] в 1956 году... четыре арабо-израильских войны, вьетнамские войны (включая сопутствующие конфликты в Лаосе и Камбодже), вторжение в Чехословакию Советского Союза и его клеветов. Ни в одном из этих случаев, как и ни в каких других, агрессор не был арестован и не предстал перед международным правосудием, и вряд ли это произойдет. Единственное, на что пригодна доктрина о преступности агрессивной войны, это на ее изучение в богословских учебных заведениях". (W. Bishop. *Justice under Fire* 284. — New York: Prentice-Hall, 1974.)

66. Ни Нюрнбергское, ни Токийское решение не повлияли сколь-нибудь значительно на последующие решения государств о применении военной силы. Токийский приговор 1948 года был последним, когда государства-победители судили представителей побежденного государства за ведение войны. Было множество требований о том, чтобы судить Саддама Хусейна в международном трибунале для военных преступников. Однако, в сущности, нет сомнений в том, что суды союзников над военными преступниками, как бы ни было спорно для этого существование Пакта Бриана — Келлога, не опирались на твердый фундамент международного права.

67. В результате приговоры немецким и японским ответчикам были обоснованы нормами обратного действия *ex post facto*. Поведение ответчиков не оценивалось с позиций международной практики

(с учетом того, что государства делали, в отличие от того, что они заявляли). Лишь если следовать довольно аморфным ориентирам "естественной справедливости" (см. п. 16 данного заключения), можно сказать, что Германия или Япония несут ответственность за незаконные войны. В противном случае, как полагает наш суд, международное право не намного бы отличалось от довольно банальной поговорки "делай так, как я говорю, а не так, как я делаю".

68. Есть несколько документов ООН, которые данный суд изучил с целью выяснения, запрещает ли все же международное право войну.

69. Устав ООН. Статья 2(4) Устава ООН предусматривает, что все государства "воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения... против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства". В отличие от Устава Лиги Наций и Пакта Бриана – Келлога, Устав ООН даже не упоминает такие понятия, как война или агрессия. Он также не дает определения другим, относящимся к вопросу терминам, которые вследствие этого являются предметом различного толкования.

70. Можно утверждать, что статья 2(4) является несовершенной юридической нормой. Поэтому она не может быть антитезой A9-s, как мог бы утверждать адвокат истца по данному делу. Это ключевое положение Устава слишком широко, чтобы иметь сколько-нибудь точное значение. Как замечает профессор Австралийского национального университета Григ, "пределы, в которых государство вправе применять силу в международных отношениях, вызывают многочисленные и запутанные политико-правовые проблемы, которые едва ли поддаются анализу, не говоря уже о разрешении... Нет в международном праве более уязвимой области с точки зрения того, что "оно совершенно не работает", чем те нормы, о которых говорят как о запрещающих или ограничивающих применение силы... Такое утверждение обнаруживает существенное непонимание роли международного права... Чем важнее проблема, тем менее различимо ее отличие от политического компромисса, в котором роль правовых норм является соответственно ограниченной. И если предположить, что государства будут обращаться к войне лишь как к последней мере, когда, по их соображениям, существует реальная угроза их жизненным интересам, то роль правовых принципов может полностью сойти на нет, даже при том, что заинтересованные государства часто найдут аргументы, которые обоснуют законность их действий в рамках существующего либо предполагаемого правопорядка". (D. Grieg. International Law 867. 2d ed. – London: Butterworths, 1976.)

71. Логично напрашивается и противоположный вывод. Авторы

Устава ООН использовали столь широкие по значению понятия в положении о запрещении применения силы, с тем чтобы избежать любого **ограничительного** толкования статьи 2(4). Профессор Колумбийского университета Шахтер дает полезное объяснение этой последней вероятности: "Признается, что эта статья не дает четкого и точного ответа на все поставленные вопросы. Такие категории, как "сила", "угроза силой" или "политическая независимость", включают широкий спектр возможных значений. ...Но эти расхождения не столь отличны от тех, которые появляются в толковании практически всех основных правовых принципов.

Предшествующий анализ показывает, что статья 2(4) имеет достаточно ясное основное значение. Это основное значение было детально раскрыто в интерпретирующих документах... принятых единогласно Генеральной Ассамблеей... Практика Международного Суда ООН и работы ученых отражают широкий спектр согласия в отношении смысла этой статьи. Таким образом, безосновательно предположение, что в статье 2(4) не хватает определенного содержания, необходимого для ее функционирования в качестве сдерживающей правовой нормы". [Schachter. The Right of States to Use Armed Force. 82 Michigan Law Review 1620, 1633 (1984).]

72. При таком различии взглядов специалистов в области международного права очевидно, что наш Суд не может опереться на текст Устава ООН для четкого ответа на вопрос, поставленный истцом Кноттенбельтом. Однако имеется ряд документов, относящихся к данному вопросу, которые проливают некоторый свет на эту крайне сложную проблему.

73. **Декларации ООН.** Декларация 1970 года: Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Резолюция Генеральной Ассамблеи 2525 (1970)]. Ее основной целью было подтверждение того, что государства должны широко толковать запрещение применения силы в международном праве. Эта резолюция детализировала содержащееся в статье 2(4) Устава ООН запрещение применения силы и гласит, что государства не должны использовать и более скрытые формы применения силы, такие как "пропаганда", "террор" или "финансы", чтобы заставить другое государство действовать определенным образом. Она особо подчеркивает, что "угроза силой и ее применение (иначе как по решению Совета Безопасности) являются нарушением международного права и Устава Организации Объединенных Наций и **никогда не должны применяться** в качестве средства урегулирования международных вопросов".

74. Этот язык более точен, чем язык статьи 2(4) Устава. Декларация дает возможность полагать, что современные авторы имели в виду запрещение всех форм силы, включая войну, и, возможно, само обладание военным потенциалом миролюбивыми государствами. Эта резолюция была принята Генеральной Ассамблеей, хотя и без дебатов и не как результат переговорного процесса. Участники не делали взаимных уступок для достижения действенного соглашения. Это лишь еще одна декларация благих намерений, содержащая здравые положения, которые повторяют старую истину.

75. Заключительный пункт этого документа ООН заставляет сделать вывод, что это не более чем декларация, которая не имеет юридически обязательной силы, которая необходима, чтобы утвердительно решить вопрос, находящийся на рассмотрении нашего Суда (содержит ли международное право универсальную норму отказа от войны). Эта Декларация 1970 года предусматривает, что "принципы Устава, содержащиеся в настоящей Декларации, представляют собой основные принципы международного права, и поэтому призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе их строгого соблюдения".

76. Декларация 1987 года: Генеральная Ассамблея приняла аналогичную декларацию, направленную на достижение более эффективного использования принципа неприменения силы. Это была Декларация об усилении эффективности принципа запрещения угрозы силой и применения силы в международных отношениях [резолюция Генеральной Ассамблеи 42/22 (1987)].

77а. Как и Декларация 1970 года, она имела целью конкретизировать общую норму Устава ООН. Государства должны, например, воздерживаться от "организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в полувоенных, террористических или подрывных действиях". Эта Декларация имеет тот же недостаток, что и Декларация 1970 года. Члены Генеральной Ассамблеи не включили в нее **конкретных** мер принудительного исполнения принципов, содержащихся в ее положениях. Поэтому обе Декларации – и 1970 года, и 1987 года – являются именно лишь декларациями. Они не выражают *opinio juris* сообщества государств, являющееся предпосылкой утверждения истца (которое данный Суд вывел из представленных им доказательств), что этот принцип имеет характер *jus cogens*.

77б. Если ограничение права на ведение войны истолковывается в этом смысле, тогда истцу еще труднее доказывать, что государства как субъекты международного права подразумевали отказ от своего права обладать военным потенциалом.

78а. **Позиция Международного Суда ООН.** Коротко говоря, по-

зиция Международного Суда состоит в следующем. В деле 1984 года о военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против него (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки, I.C.J. General List No 70. Решение от 27 июня 1986 г.) Международный Суд сделал следующее замечание в пунктах 188–190 своего заключения: "Принцип неприменения силы... может, таким образом, рассматриваться как международно-правовой обычай..."

Что касается Соединенных Штатов, в частности значимости отражения *opinio juris*, то аналогичным образом можно использовать поддержку ими резолюции шестой Международной конференции американских государств, осуждающей агрессию (18 февраля 1928 г.), и ратификацию Конвенции о правах и обязанностях государств, подписанной в Монтевидео 26 декабря 1933 г., статья 11 которой налагает обязательство не признавать территориальных приобретений или специальных преимуществ, которые были получены с применением силы. Важным также является принятие Соединенными Штатами принципа запрещения применения силы, содержащегося в декларации принципов взаимоотношений государств – участников Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.), в которой участвующие государства обязались воздерживаться в своих взаимоотношениях, так же как в международных отношениях вообще, от угрозы силой или ее применения. Принятие текста в этом смысле подтверждает наличие *opinio juris* государств-участников о запрещении применения силы в международных отношениях.

Следующее подтверждение действительности (в качестве обычной нормы международного права) принципа запрещения применения силы, выраженного в статье 2 (п. 4) Устава ООН, можно найти в том факте, что на него часто ссылаются в своих заявлениях представители государств не только как на принцип обычного международного права, но и как на фундаментальный или кардинальный принцип этой отрасли права. Комиссия международного права в ходе своей работы по кодификации права международных договоров выразила мнение, что нормы Устава, относящиеся к запрещению применения силы, представляют собой яркий пример нормы международного права, имеющей характер *jus cogens*..."

78b. Международный Суд ООН последовательно придерживается вышеизложенной позиции в своих решениях. В мнениях, выраженных его многими членами, применение силы (включая ведение агрессивной войны) нарушает международное право и ту его часть, которая известна как *jus cogens* (см. п. 29 данного заключения).

78с. Тем не менее можно возразить, что международное право состоит как из того, что государства делают, так и из того, что они

говорят. Государства не передают споры, аналогичные иску Кноттенбелта, на рассмотрение международных трибуналов. Этот жизненный факт обуславливает ту неподсудность дела, которая разочаровывает истца Кноттенбелта и всех тех, кто исповедует идею о том, чем должно быть международное право. Отказ прямо признать его таким, какое оно есть, препятствует осознанию той истины, что международное право тогда имеет обязательный характер, когда так считают государства, то есть тогда, когда оно непосредственно служит их интересам. Противоправность агрессивной войны в качестве нормы права на этой планете является типичным преувеличением. Тем не менее эта норма постоянно нарушается. Как может администрация президента США, например, заявлять об устаревании международного права (отказ США от признания обязательной юрисдикции Международного Суда накануне решения по делу Никарагуа), а следующая администрация президента бесконечно ссылаться на международное право в ходе войны, которая не имела отношения к самообороне США (Кувейт)?

78d. Это мнение Временного регионального всемирного суда не должно истолковываться как отрицание существования международного права или его действительности. В одном из наиболее колоритных суждений на этот счет профессор Колумбийского университета Хенкин (Нью-Йорк) очень точно замечает, что **"почти все государства соблюдают почти все принципы международного права и почти все свои обязательства почти всегда"**. (L. Henkin. How Nations Behave: Law and Foreign Policy 47. 2d ed. – New York, NY, USA: Columbia Univ. Press, 1979.) Особое в данном конкретном деле **"обязательство"** – не вести агрессивной войны – не всегда соблюдалось. Тем не менее оно последовательно излагается в качестве *opinio juris* на основании явно выраженных обязательств государств, по крайней мере **"на бумаге"**. Многие государства, обладающие достаточной силой для ведения агрессивной войны, так и поступали. Но большинство поступало иначе. Не вызывает сомнения, однако, тот факт, что сохранение государствами всего мира суверенного права вести войну (за исключением Японии) несовместимо с заявлением истца о том, что отказ от войны вследствие практики государств приобрел **"всеобщий характер"**.

79a. **Региональные мирные инициативы.** Несколько латиноамериканских договоров и проектов договоров в общих чертах касаются применения силы. Данный Суд изучил их, дабы найти альтернативный источник для разрешения вопроса данного дела. Во-первых, это Конвенция о правах и обязанностях государств, подписанная в Монтевидео в 1933 году. Она предусматривает, что **"урегулирование споров и разногласий должно осуществляться только мирными**

средствами в соответствии с международным правом". Этот договор практически не оказал сколько-нибудь значительного влияния, поскольку, по существу, в латиноамериканском регионе его не соблюдали. Устав Организации американских государств (ОАГ) 1948 года запрещает агрессивное применение силы. Статья 21 этого Устава предусматривает, что "американские государства обязуются в своих международных отношениях не прибегать к силе". Куба впоследствии была исключена из ОАГ за нарушения прав человека. Это исключение очень удачно обезоружило любое заявление о том, что морская блокада США в 1962 году была нарушением Устава ОАГ в отношении между Кубой и США. Этот региональный договор не предотвратил применение военных средств в отношении между его участниками. Положения Устава ОАГ о коллективной безопасности не были применены, когда Великобритания высадила десант на Фолклендских островах у берегов Аргентины в 1982 году, так же как в случае с Гренадой, Панамой или Доминиканской Республикой.

79b. На Конференции 1975 года по безопасности и сотрудничеству в Европе прозвучала надежда на то, что страны-участницы будут "воздерживаться в отношениях друг с другом, как и в международных отношениях вообще... от угрозы силой или ее применения". Так называемые Хельсинкские правила, таким образом, содержат банальное увещевание не прибегать к международной агрессии. Было бы неправильно связывать гибель Варшавского Договора и прекращение "холодной войны" не с крушением экономики, а с выдвигаемой истцом нормой международного права, которая запрещает обладание военным потенциалом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

80. **Краткое изложение.** В силу причин, изложенных выше, настоящий Суд приходит к следующим выводам:

а) данный состав Временного регионального всемирного суда обладает юрисдикцией в соответствии со своим собственным Уставом;

б) он не обладает юрисдикцией в соответствии с международным публичным правом в том смысле, в каком ею обладает Международный Суд ООН при вынесении декларативных решений в рамках своей консультативной юрисдикции;

с) мнение данного Суда может однажды быть признано на основании статьи 38 Статута Международного Суда ООН в качестве вспомогательного источника международного права, хотя сам наш Суд не имеет в виду сделать такое одностороннее допущение на момент вынесения настоящего решения;

d) статья 9 Конституции Японии не была универсализирована вследствие решения Международного военного трибунала для Дальнего Востока 1948 года;

e) до вынесения Токийского (и Нюрнбергского) решения не существовало **действительного** запрещения войны, а значит, нельзя сделать вывод, что международное право запрещает агрессивную войну;

f) последующая практика государств часто вступала в противоречие с неоднократно выраженным запрещением ведения агрессивной войны, несмотря на положения статьи 2(4) Устава ООН, запрещающей применение силы в международных отношениях;

g) наличие оборонительного военного потенциала может рассматриваться как неотъемлемое право всех государств, **включая** Японию, в соответствии с международным правом;

h) Устав ООН, относящиеся к нему Декларации, другие международные договоры, а также вышеуказанные решения Международных военных трибуналов подтверждают идею истца о том, что агрессивная война запрещена международным публичным правом;

i) утверждение истца Кноттенбелта, что государства не должны сохранять военный потенциал, могло бы быть верным в соответствии с ясно выраженным языком Пакта Бриана – Келлога, а также всеми моральными принципами естественного права. Фактические действия государств в их далеких от совершенства отношениях друг с другом не подкрепляют эту позицию. Частично это объясняется тем, что ни одно государство, за исключением Японии, даже не делало намека на то, что оно хотя бы обсудит вопрос об отказе от своего суверенного права на обладание военным потенциалом;

j) обязанность не вести агрессивную войну последовательно признается в качестве *opinio juris*, основанного на ясно выраженных политических обязательствах. Поэтому она является "обязательной" в том смысле, как должно вести себя государство, когда на карту поставлены его высшие суверенные интересы. В этом случае государство должно согласиться с последствиями своих действий, противоречащих международному праву, когда оно использует свой военный потенциал для ведения агрессивной войны;

k) в более совершенном мире суверенные государства нашей планеты должны были бы уступить необходимую часть суверенитета, чтобы полностью воспринять основную логику позиции истца Кноттенбелта. Она состоит в том, что международное право должно эффективно поставить вне закона возможность государств сохранять военный потенциал, который, в свою очередь, может быть использован для ведения агрессивной войны. Как и Япония, всем государствам надлежит отказаться от их суверенного права сохранять воен-

ный потенциал. При отсутствии такого отказа в практике государств может ли хоть один юрист с полной уверенностью и безоговорочно заключить, что сообщество государств поставило вне закона суверенное право сохранять средства, необходимые для ведения войны?

ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ СУДА

81. Это второй состав Суда, рассматривающий дело, переданное ему в соответствии с учредительными документами, составленными Федерацией Земли, как указывается выше, в пунктах 14–20. Три индивида в их личном качестве ставят свои подписи под этим заключением в качестве членов состава Суда, которому поручено рассмотрение этого вопроса. Ввиду того что судей данного состава разделяют значительные географические расстояния, их решение рассматривать дело без устного разбирательства, а также использование услуг известного специалиста в области международного права из Ассоциации содействия ООН США в обеспечении представительства интересов ответчика, каждый член данного состава Суда выразил согласие подписать отдельные копии решения для окончательной передачи профессором Сломансоном секретарю Суда в Лос-Анджелесе (Калифорния, США) для любого последующего распространения, которое она посчитает нужным. Имена и должности членов данного состава Временного регионального всемирного суда приводятся ниже*.

АДАМ ЛОПАТКА

*Верховный судья Верховного суда Польши
Институт правовых исследований
Академии наук Польши*

ЮРИЙ М. КОЛОСОВ

*профессор,
Заведующий Кафедрой международного права
Московский государственный институт
международных отношений*

ВИЛЬЯМ Р. СЛОМАНСОН

*профессор,
Западный государственный университет
Юридический колледж
Сан-Диего, США*

---

* Недавно было получено письмо с информацией, что подобный исход дела "О праве на войну" не удовлетворил Кноттенбелта, и он вновь обратился во Временный региональный всемирный суд с просьбой об апелляционном рассмотрении. За истцом в принципе было признано право на апелляцию и сообщено, что дело будет вновь рассмотрено после создания апелляционной инстанции в системе Всемирного Суда, которой, однако, пока не существует.